

© 1992 г. КЛИМОВ Г.А.

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО (КАРТВЕЛЬСКИЕ ДАННЫЕ)¹

Картвельское языкознание располагает к настоящему времени целым рядом исследований по истории как конкретных морфологических категорий, так и целых лексико-грамматических разрядов слов в сравнительно-историческом аспекте. Если учесть особенно развитую глагольную морфологию картвельских языков, то будет нетрудно понять, почему преимущественным объектом гипотез диахронического плана в существующей литературе оказывается глагол. Ср. известные соображения об историческом соотношении распределения глагольного словаря на классы динамических и статических, с одной стороны, и транзитивных и интранзитивных, с другой, о взаимоотношении глагольных категорий аспекта и времени, версии и залога и т.п. Немало сделано и в плане сравнительно-исторического исследования именной морфологии (особенно в отношении эволюции падежной парадигмы). На этом фоне состояние разработки истории имени прилагательного в картвелистике нельзя не признать отстающим (не меняет положения неоднократно высказывавшееся мнение о вторичности имени прилагательного в картвельских языках и заметный интерес исследователей к частному вопросу об истории ступеней сравнения адъектива).

Предметом рассмотрения в настоящей статье служит история имени прилагательного в картвельских языках в свете тех данных, которые предоставляет в распоряжение исследователя их сравнительная грамматика. На фоне всей совокупности существенных для решения проблемы вопросов, так или иначе касающихся путей формирования и последующей эволюции этого класса слов, аргументация формулируемой ниже гипотезы о сравнительно поздней эпохе становления имени прилагательного в картвельских языках опирается на некоторую совокупность фактов, группирующихся вокруг двух основных. Одним из них является отсутствие в этих языках словообразовательных моделей собственно адъектива, восходящих к общекартвельскому состоянию (в лучшем случае налицо модели, объединяющие лишь грузинский и занскую ветвь, т.е. мегрельский и лазский, и отсутствующие в сванском). Другим следует считать весьма прозрачную здесь генетическую связь имени прилагательного с глаголом, с одной стороны, и с именем существительным, с другой.

В свете известных достижений картвельского языкознания в настоящее время невозможно разделить встречавшуюся еще в 40-х годах крайнюю точку зрения, согласно которой в грузинском языке по сей день имя прилагательное и существительное морфологически не разграничены. С ней не согласуется не только неоднократно подчеркивавшийся в теории грамматики факт реальной несоизмеримости одноименных морфологических категорий субстантива и адъектива, но и наличие у последнего во всех картвельских языках определенных морфологических (как словообразовательных, так и словоизменительных) харак-

¹ Статья представляет собой переработку доклада, прочитанного автором на состоявшейся 26—28 ноября 1991 г. в Санкт-Петербурге конференции, посвященной 100-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского. Автор выражает глубокую признательность А.Е. Кибрику, ознакомившему со статьей в рукописи и высказавшему ряд ценных замечаний.

теристик, в частности, степеней сравнения, хорошо известных особенностей формы его основы при склонении в составе атрибутивной синтагмы и т.п. (не говоря уже о том, что он охватывает всю понятийную сферу, отводимую имени прилагательному в работах Р. Диксона и С. Томпсон [1, с. 25—28; 2, с. 168—169]). Все это позволяет видеть в картвельском адективе вполне сформировавшийся лексико-грамматический класс слов. Вместе с тем представляется справедливым мнение, согласно которому еще в относительно недалеком прошлом он не был здесь морфологически выделен, заслуживающее внимания в плане дополнительной аргументации сформулированной еще в конце 70-х годов гипотезы об активной типологии древнейшего общекартвельского состояния [3, с. 217—231].

С точки зрения обоснования защищаемого здесь тезиса весьма показательным представляется факт отсутствия общих для всех картвельских языков моделей собственно адективного словообразования. Наиболее древние аффиксы имен прилагательных, к тому же обычно совпадающие с аффиксами деривации субстантивов, объединяют лишь грузинский и языки занской ветви — мегрельский и лазский — и не прослеживаются в сванском. Если проанализировать совокупность адективов корневого ("непроизводного") типа, встречающихся во всех этих языках, то будет нетрудно увидеть, что они представляют гетерогенным материалом, который ни в одном случае не позволяет реконструировать соответствующие пракартвельские архетипы. Даже для значительно более позднего исторического этапа грузинско-занского единства общим оказывается единственный адектив корневого типа *didi* "большой" (в сванском в его роли выступает иной материал). Вообще складывается впечатление, что корневой тип адективов в картвельских языках едва ли способен претендовать на сколь-нибудь глубокую хронологию, и его основной состав образуют продукты распада долго сохранившегося здесь именно синкретизма, с одной стороны, и различные заимствования (например, груз. *patara* "маленький", *lamazi* "красивый", *šavi* "черный"), с другой.

Несколько производных имен прилагательных могут быть реконструированы лишь для более позднего грузинско-занского состояния. Об этом свидетельствует некоторый минимум грузинских и занских форм, обнаруживающих четкое материальное и семантическое соответствие и, следовательно, отмеченных исторически единой словообразовательной аффиксацией. Бросается в глаза, что всё это качественные адективы, с одной стороны, здесь следует назвать несколько форм с суф. **-el*: ср. груз.-зан. **grɔz-el-* "длинный, высокий", **wɔc₂-el-* "широкий", **sɔw-el-* "мокрый", **ɔw-el-* "старый (о вещах)", **çit-el-* "красный", с другой стороны, это единичные лексемы с афф. *-il* (груз.-зан. **ms₁xw-il-* "толстый, крупный", **ip-il-* "теплый"), одна с коаффиксацией *sa-* — *-e* (груз.-зан. **(s)a-ws-e* "полный") и некот. др., вероятно, отражающие процесс адективации древних атрибутивных причастий. При этом, во всяком случае в первой группе случаев, в качестве производящих основ выступают основы статических глаголов. Хотя функциональная природа присоединяемого к ним аффиксального элемента остается в настоящее время неясной, естественно предположить, что исторически это некоторый словоизменятельный глагольный аффикс с минимальной предикативной силой, лишь в дальнейшем специализировавшийся в роли деривационного элемента имен прилагательных. В пользу такой направленности развития говорит диахронически прослеживающаяся на материале многих языковых семей, в частности, на индоевропейском, тенденция к трансформации так называемых полупредикативных связей в синтагме в атрибутивные.

На ступени истории картвельских языков, характеризующейся сохранением грузинско-занского единства, целому ряду архетипов, послуживших источниками современных адективов, приходится приписывать статус именно синкретизма. Свидетельствами такого положения вещей являются известные сравнительной грамматике картвельских языков факты закономерной эквивалентности грузинских имен прилагательных занским субстантивам и, напротив, случаи, когда

занскому адъективу столь же закономерно отвечает грузинский субстантив; ср. груз. *pičx-* "вспыльчивый" при мегр., лаз. *pičx-* "сухой хворост", груз. *γṛta-* "глубокий" при лаз. *γorta-* "дыра, яма", мегр. *(eno)γorta-* "углубление", но груз. *mxse-* "седина" при лаз. *χse-*, мегр. *(r)če-* "белый, светлый". Характерно, что и здесь речь идет, как правило, о качественных прилагательных.

В настоящее время существует возможность проследить процесс адъективации некоторых первоначальных синкретических именных лексем, мотивировавшийся их изменявшимися синтаксическими функциями и протекавший путем подлинной безаффиксальной транспозиции. О преимущественно субстантивном или адъективном функционировании слова с гласным исходом основы на грузинско-занском хронологическом уровне свидетельствует известная из сравнительной грамматики картвельских языков фонетическая закономерность сандхального характера. Согласно последней, так называемый занский сдвиг гласных, т.е. передвижение $a > o$ и $e > a$ (последнее, впрочем, представляется менее регулярным), реализовался в исходе основ лексем адъективного употребления и, напротив, не происходил в аналогичной позиции в словах субстантивного функционирования (гласный исхода основы адъектива, обычно предшествовавшего своему определяемому, в отличие от исхода субстантива неизменно оказывался в срединном положении в синтагме и поэтому подчинялся характерной для этой позиции фонетической закономерности [4]).

В соответствии с этим правилом естественно заключить, что преимущественно субстантивная семантика была присуща на этом этапе таким грузинско-занским лексемам, как **mɔcɛ-* (ср. груз. *mxse-* "седина" ~ лаз. *χse-*, мегр. *če-* "белый, светлый"), **nate-* (ср. груз. *natel-* "свет, светлый" ~ лаз., мегр. *note-* "лучина"), **γṛta-* (ср. груз. *γṛta-* "глубокий" ~ лаз. *γorta-* "дыра, яма", мегр. *(eno)γorta-* "углубление" [5, с. 104]), **sɪx-* (ср. груз. *sxel-* "горячий" ~ лаз. *ɕx-* "жар", мегр. *ɕx-* "горячий"; исторически субстантивный характер этой лексемы подтверждает ее закономерное сванское соответствие *ɕix-* "уголь"). Напротив, ввиду реализации занского передвижения гласных в исходе основы слова преимущественно адъективная семантика была, по-видимому, присуща уже на ступени грузинско-занского единства таким лексемам, как **take-* (ср. груз. *take-* "стельная, сунгная" ~ лаз., мегр. *tonka-* "тяжелый") и **mɕle-* (ср. груз. *mɕle-* "тощий, худой" ~ мегр. *ɕkola-* т.ж.).

Яркой иллюстрацией синхронного отражения диахронического процесса формирования адъектива на базе первоначального синкретического имени может послужить следующий пример: если в остальных языках континуанты общекартвельского **(i)ba-* "озеро, глубокий" относятся к классу имен существительных (ср. сван. *iwib-* "овраг, озеро" ~ груз. *iba-* "озеро" ~ лаз. *ɪoba-* // *ɪiba-* т.ж., хотя, как отмечают, значение прилагательного "глубокий" лазскому слову все же не чуждо [6, с. 185]), то в мегрельском имеем дело с формой *ɪoba-* "озеро", с одной стороны, и с обнаруживающей рефлекс занского передвижения гласных формой *ɪobo-* "глубокий (о водах)", с другой.

О сохранении фактов именового синкретизма еще в очень поздний период истории картвельских языков, т.е. в эпоху существования их современных представителей, особенно отчетливо свидетельствует древнегрузинский материал (интересны некоторые аналоги в составе амбивалентных имен, выявляемые между древнегрузинским и некоторыми другими, в частности, адыгскими языками). В памятниках древнегрузинского наблюдаются случаи субстантивного употребления целого ряда лексем, функционирующих в современном языке исключительно или, как правило, в адъективном значении. Сказанное относится, в частности, к таким лексемам, как *γṛta-* (ср. *azna mat vitarca γṛmisagan didisa...* "напоил их как из великой бездны..." Пс. 77₁₃), *bnel-i* (ср. *romeli sxda bnelsa* "сидящий во тьме..." Мф. 4₁₆), *natel-i* (ср. *ixila nateli didi...* "увидел свет великий..." Мф. 4₁₆), *marʒuena-j* (ср. *marʒuena-j mati savse ars krtamita...* "которых правая рука полна мздоимства..." Пс. 25₂₀) и некот. др. Естественно полагать, что решающий

стимул к распаду именованного синкретизма в истории этих языков мог быть за-дан лишь с того времени, когда возник класс атрибутивных слов отглагольной природы, получивший свою формальную опору в виде определенных словообразовательных элементов.

Еще одним аргументом, способным свидетельствовать в пользу относительно позднего становления класса имен прилагательных в картвельских языках, может, по-видимому, служить недостаточная развитость в них подкласса относительных прилагательных. Так, в функции относительных прилагательных многих других языков здесь очень часто выступают имена существительные (обычно к тому же разнокорневые) в форме генитива (ср. груз. *x-is*, мегр. *ža-ši*, сван. *tegm-i(š)* "деревянный"). В составе этого подкласса адективов особенно трудно говорить о сколько-нибудь давних деривационных средствах. Среди разнообразия последних трудно найти объединяющие достаточно надежно хотя бы грузинский и занские языки. В частности, среди соответствующих древнегрузинских аффиксов, рассматриваемых в одной из статей А.Г. Мартиросова [7], лишь один — *-o(w)an* — находит в занском ареале свое генетическое соответствие в виде *-on*. Хотя эти аффиксы, как правило, присоединяются к разнокорневым производящим основам, существует и один достоверный, на наш взгляд, пример их аффигования на исконно общую основу. Ввиду обычного различия в суффиксальной части циркумфиксального образования форм так называемых привативных прилагательных последние также нелегко свести к единому историческому знаменателю грузинско-занского уровня. Тем более рискованно придавать сколько-нибудь принципиальное значение совпадению сванского привативного суффикса *-ur* с аналогичным элементом единственного в своем роде грузинского (ингил.) *kud-ur* "бесхвостый, куций", поскольку последнее засвидетельствовано уже в первом толковом словаре этого языка Сулхана Орбелиани и в прямо противоположном значении "хвостатый" с параллельным переносным — "ведьма".

Наконец, весьма существенной чертой, отражающей конкретные пути и относительно позднюю хронологию развития имени прилагательного в картвельских языках, является отчетливо прослеживаемый в них процесс становления степеней сравнения качественных адективов. Одним из свидетельств такого положения вещей служат хорошо сохраняющиеся здесь следы так называемого элитива, т.е. синкретической сравнительно-превосходной степени сравнения (при этом подчеркивают, что даже длительные и интенсивные культурно-литературные контакты Грузии с греко-византийским миром оказались недостаточным фактором для формирования в древнегрузинском языке оппозиции сравнительной и превосходной степеней хотя бы в рамках переводной литературы [8, с. 93]). Другое его проявление заключается в довольно очевидном глагольном происхождении самой формы элитива.

Как известно, картвельские языки вообще отличаются высокой степенью гетерогенности способов выражения компаративной семантики в адективах, что уже само по себе способно указывать на независимость их образования. Если оставить в стороне встречающиеся в них несинтетические, т.е. описательные по своему существу построения недавнего происхождения, не относящиеся к сфере словообразования (ср., в частности, функционирующий в лазском языке способ передачи содержания сравнительной степени, буквально калькирующий соответствующую тюркскую модель)², то здесь преобладают специфические для отдельных языков синтетические образования также более или менее поздней формации: ср., например, особую форму так называемого экватива, т.е. уравнительной степени в мегрельском (ср. *ma-did-a* "величиной с..." при *did-i* "большой", *ma-mayal-a* "высокий, как..." при *mayal-i* "высокий"), являющуюся несомненным новообразованием.

² К собственно степеням сравнения мы относим "наиболее абстрактную ступень развития" качественного адектива — представленную обычно дериватами формы его положительной степени, ср. [9, с. 121—122].

Среди синтетических средств передачи компаративной семантики наибольшей степенью общности обладают в картвельских языках формы элятива двоякого характера. С одной стороны, это соответствующая форма сванского языка: ср. *xo-bg-a* "крепче, крепчайший" при *bəgi* "крепкий", *xo-cran-a* "краснее, краснейший" при *çəni* "красный". С другой стороны, это грузинско-занская форма элятива типа груз. *u-did-es-* "больше, наибольший", очень продуктивная в древнегрузинском и функционирующая ныне в грузинском и мегрельском, а исторически прослеживающаяся по отдельным примерам и в лазском.

В сравнительной грамматике картвельских языков убедительно продемонстрировано, что в их истории мы имеем дело с единственной формой степени сравнения (оставляя в стороне положительную), проецируемой в сколько-нибудь отдаленное прошлое — с формой элятива. В этой роли реконструируется соотносящийся с грузинско-занским состоянием циркумфикс **u* — *-e-js*; [ср. др.-груз. *(h)u-did-e(j)s-* // *xu-did-e(j)s-* ~ мегр. *u-did-aš-*], конечный элемент которого содержит форму генитива, наслоившуюся на собственно компаративный циркумфикс **u-* — *-e*, также еще встречающийся в памятниках древне- и среднегрузинского языка, ср. [10, с. 033; 11, с. 338; 12, с. 34; 13, с. 146—148; 14, с. 119] (естественно поэтому, что предлагаемое в рамках ностратической гипотезы — впрочем, под знаком вопроса — сопоставление этой формы с индоевропейским аффиксом сравнительной степени **-ies* // *-ios* [15, с. 286—287] приходит в очевидное противоречие с данными сравнительной грамматики картвельских языков).

В свете приведенных выше сванской и грузинской форм элятива, выявляющих к тому же закономерное фонетическое соотношение груз.-зан. *u* ~ сван. *o*-, может сложиться парадоксальное впечатление о возможности реконструкции для пракартвельского состояния формы сравнительно-превосходной степени типа **u-* — *-e* или **u-* — *-a* на фоне отсутствия каких-либо других оснований для постуляции на этом хронологическом уровне лексико-грамматического класса имен прилагательных. Подобное впечатление, однако, ошибочно. Дело в том, что, как это выяснено, начальный элемент конкретных словоформ элятива сван. *xo-* ~ др.-груз. *xu* // *hu-* (> груз. *u-*) совпадает с префиксальной частью картвельских глагольных словоформ объектной версии 3 лица: *x-* // *h-* здесь характерный преф. 3 лица, *u-* — версионный показатель, а в целом эта форма совпадает, как подчеркивается в специальной литературе, со сванскими глагольными словоформами презенса типа *xo-cx-a* "он предпочитает то", *xu-γw-a* (< **xo-γw-a*) "он имеет то". Более того, зафиксировано — особенно, в архаическом языке сванской поэзии — не только атрибутивное и предикативное, но и собственно глагольное функционирование отдельных из таких форм, предполагающих несколькими временными градациями. Ср. сван. *çet lülxu či çets xoça kumši lēmnad luntisa* "сено горное лучше любого (другого) сена для корма зимой скоту", *Murzabegs dār xočānda* "Мурзабега никто не превосходил", *taj xočeni liceds eča?* "что будет лучше этого зрелища?" [14, с. 121—122]. Принято также считать, что исторически такие формы должны были изменяться по всем трем лицам, подобно тому, как это происходит, например, в абхазском языке, где идентичное компаративное содержание передается обычными глагольными словоформами: ср. абх. *s-ejha* "больше меня", *w-ejha* "больше тебя", *j-ejha* "больше его" [11, с. 335, 337; 12, с. 31] (аналогичное положение вещей в дальнейшем неоднократно отмечалось и на ином материале). Это предположение, по-видимому, подтверждается наблюдением А.Л. Ониани, согласно которому формы *m-i-ča* "лучше меня" и *ž-i-ča* "лучше тебя" возможны в речи представителей старшего поколения носителей лашхского диалекта сванского языка.

Отметим в этой связи также то обстоятельство, что на глагольные истоки картвельского элятива косвенно способны указывать и некоторые грузинские факты. Так, несколько адъективов образуют здесь формы сравнительно-превосходной степени вопреки общему правилу не от основы положительной степени, а непосредственно от основы производящего последнюю глагола: ср. груз.

u-grz-es- "длиннейший" при *grz-el-* "длинный" и *u-ikb-es-* "сладчайший" при *ikb-il-* "сладкий". Вместе с тем дополнительный признак такой зависимости усматривают в том замеченном впервые Г. Йенсенем факте, что так называемое простое дополнение при элитиве исторически выступало в грузинском языке в форме дательного падежа [16, с. 175—177; 17, с. 42—43].

Довольно прозрачную глагольную мотивацию картвельского элитива естественно рассматривать в числе других приведенных выше аргументов, свидетельствующих об относительно позднем процессе формирования имени прилагательного в картвельских языках. Вместе с тем, если принять точку зрения Е. Куриловича, согласно которой индоевропейские формы сравнительной степени адъектива на *-(i)ios* "глагольного происхождения" и, более того, что они являются первичными производными от глаголов [18, с. 232—233], то тем самым становится очевидной еще одна точка соприкосновения в типологической эволюции обеих языковых семей.

Если учесть, что древнейшей разновидностью имени прилагательного в картвельских языках, хронологически соотносящейся с грузинско-занским состоянием, является качественный адъектив (ср. аналогичный состав этого класса слов в языках, где он представлен минимальным набором ингредиентов [1, с. 4—7]), то имеются основания усматривать в его формировании определяющую роль развития глагола. Именно глагольная основа, будучи оформленной некоторым аффиксальным (исторически, по-видимому, словоизменительным) элементом со слабой предикативной силой, приобретающим впоследствии функцию специального деривационного средства, создает опорную базу имени прилагательного как морфологически определенного лексико-грамматического разряда лексем. Лишь в несколько более позднюю эпоху в этот класс втягиваются отдельные составляющие совокупности синкретичных имен, характеризовавшиеся наряду с субстантивным также атрибутивным употреблением, и, кроме того, некоторые причастия, утрачивающие свои глагольные черты.

Такая линия эволюции не составляет специфики картвельских языков и прослеживается к настоящему времени на все большем лингвистическом материале. Многочисленные эмпирические исследования достаточно убедительно демонстрируют, что наряду с обычно подчеркивавшимися в прошлом именными истоками имени прилагательного (подобные представления в значительной мере поддерживались принадлежностью языков Европы и примыкающих к ней регионов Азии и Северной Африки к зоне "грамматической близости адъектива к субstantиву" [19, с. 1]) не менее существенную роль играют его глагольные истоки.

Так, в семитских языках его генетические связи с глаголом лежат, как известно, на поверхности. В уральском языкознании во множестве отмечены совпадения в единой праформе основ адъектива и интразитивного глагола статической семантики, ср. [20]. В тюркологии недавно сформулировано мнение, согласно которому "все, что можно условно обозначить как синкретизм тюркского имени, относится... к ближней реконструкции и наследовано языками потомками..., при переходе к дальней реконструкции обнаруживаются глубинные морфологические связи прилагательного с глаголом, что позволяет по-иному (сравнительно с традиционным подходом. — К.Г.) выстроить межчастеречные отношения в эпоху более отдаленную..." [21, с. 63—64]. В нахско-дагестанском материале налицо немало качественных адъективов, производных от соответствующих стативных глаголов, ср. [22, с. 112—113]. Аналогичное соотношение известно в настоящее время и во множестве других случаев. Естественно предположить, что в подобных условиях исследование генезиса имени прилагательного, прежде всего — качественного, отсылает к так называемому качественному глаголу или *Adjektiv-Verbum*, известному целому ряду языков мира (их характерная семантика — "быть длинным", "быть приятным", "быть зеленым" и т.п.) и составляющему, в частности, в представителях активной типологии один из основных подклассов стативного глагола. В плане изучения этапов такого

пути формирования имени прилагательного интересны, например, факты североамериканского языка чероки (из группы ирокезских), в котором отглагольный адъектив, будучи наделенным предикативной функцией, еще изменяется по лицам, но уже лишен всех других форм глагольного словоизменения [23, с. 208—209].

Не менее существенная в этом отношении роль глагола в той или иной форме отмечается и в теоретически ориентированных работах. Так, С. Томпсон ищет функциональные основания категоризации *property concept words* в качестве особого класса лексем [2]. В то же время тезис, согласно которому формирование самой атрибутивной синтагмы в поверхностной структуре предложения обусловлено характером предикативной группы, лежащей в его глубинной структуре, стал одним из общих мест современной синтаксической теории; ср. [24, с. 72; 25, с. 350—351, 356 и сл.].

Одним из конкретных стимулов, побудивших автора настоящей статьи обратиться к рассмотренной здесь проблеме, послужили некоторые итоги предпринятого им в последние годы пересмотра первой версии его этимологического словаря картвельских языков. Существенным следствием коррекции семантики ряда реконструированных ранее архетипов явилась едва ли не полная элиминация имен прилагательных, которые с какой-то степенью надежности могли бы проецироваться в пракартвельское состояние. Из общего числа всего двенадцати праязыковых архетипов, реконструированных — в нескольких случаях, впрочем, с оговоркой о проблематичности предлагавшегося решения — с адъективной семантикой, в настоящее время лишь в одном случае последняя может претендовать на достоверность.

Так, в пяти примерах уже сама семантика вовлеченного в сравнение картвельского материала при ближайшем рассмотрении скорее свидетельствует в пользу реконструкции соответствующего субстантива, а не адъектива. Сюда относятся архетипы **kuṭu-* "пенис руги", **marʒwen-* "правая рука" (еще в древнегрузинских текстах эта лексема, подобно ее аналогам в других языковых семьях, нередко сохраняет значение имени существительного), **tērxē-* "ясное небо, ведро", **oqer-* "сирота, одиночка" (следует учитывать и вероятную неисконность этой лексемы, фонологическая структура которой не укладывается в рамки канонической модели картвельского корня), а также **čqint-* "незрелый плод (овоща)" (к тому же, как выясняется, сванский аналог слова, имеющий значение "мальчик", оказывается метафорическим переосмыслением грузинского заимствования, являющегося апофоническим именным производным от грузинско-занской глагольной основы **čql-el- : čql-t-* "мять, давить", которая содержит отсутствующее в сванском языке распространение *-el // -t*). Заметим в этой связи, что в недавно вышедшем в свет в Грузии этимологическом словаре картвельских языков архетипам **kuṭu-* и **čqint-* уже приписана субстантивная семантика, а **oqer-* вообще не фигурирует [26, с. 195 и 477].

В четырех других случаях сванский компонент сравнения, строго говоря, не сопоставим с грузинско-занским материалом ввиду специфического способа его деривации: ср. сван. *gṛgod-* "кружок на заборе при калитке" при груз.-зан. **m-gṛgw-al-* "круглый", сван. *twetne-, tetwene-* "белый" при груз. *teṭr-*, сван. *ʒw-in-el* "старый" при груз.-зан. **ʒiw-el-*, сван. *daṭx-el-* "редкий, жидкий" при груз.-зан. **itx-el-*. В первом случае перед нами сопоставление, и ранее рассматривавшееся как проблематическое [27, с. 130—131], компоненты которого явно не совпадают в своей начальной части (именной словообразовательный преф. *-m*, отличающийся в сванском чрезвычайной устойчивостью, в позиции перед консонантом имеет облик *mə*). В связи с двумя последними примерами необходимо подчеркнуть, что сванский суф. *-el* не может быть признан историческим эквивалентом идентичного ему грузинско-занского, поскольку этимологическое *l* в исходе сванской основы, как известно, не сохранялось [ср. также вторичность *-el* (< **-al*) в *ʒwinel-* и высказывавшееся в специальной литературе мнение о зависимости сван. *daṭxel-* от грузинского слова].

В одном случае восстанавливавшийся архетип не может трактоваться как общекартвельский, поскольку сван. *tebdi* // *tebedi* "теплый" зависит от осет. *tevdos*, ср. [28, с. 283] и непосредственно не сопоставимо с груз.-зан. *tp-il- "теплый", являющимся историческим причастием с суф. *-il* // *-el* от глагольной основы **ter-* / *tp-* "быть теплым".

Наконец, очевидны и трудности сведения к сколько-нибудь единому историческому знаменателю груз. *titvel-* "голый" и его занской и сванской аналогий (ср. мегр. *titila-* "род ящерицы" и сван. *titam-*, *tiwel-* "голый"), поскольку они не обнаруживают закономерного соотношения в плане фонетики. Не менее существенно заметить, что грузинское слово должно быть позднейшей (экспрессивной?) переработкой др.-груз. *šišuel-* "голый", вследствие чего в этимологическом словаре картвельских языков Г. Фенриха и З. Сарджвеладзе этот материал не сопоставляется.

В итоге особых возражений не вызывает лишь одно отглагольное по своему происхождению прилагательное **m-šwen-* "красивый" [27, с. 140], способное восходить к общекартвельскому состоянию, хотя оно могло возникнуть и параллельно в грузинско-занском и сванском ареалах. Если учитывать, впрочем, что посредством преф. *m-* в пракартвельском состоянии производились и имена, не перешедшие в разряд прилагательных (ср. картв. **m-čier-* "насекомое, муха" при глагольной основе **čier-* "царапать, изображать"), то это обстоятельство может считаться "важным указанием на первоначальное единство категории имен (существительных и прилагательных)" [29, с. 187].

Ввиду сказанного естественно прийти к выводу, что наличие картвельского звена, лежащего в основу немногочисленных архетипов адъективной семантики, реконструировавшихся В.М. Иллич-Свитычем для ностратического уровня, и в большинстве случаев ставившегося под сомнение самим автором ностратического словаря, ср. [15, с. 177, 219, 223, 229, 232, 239; 30, с. 41], становится в высшей степени проблематичным.

Дальнейшая история имени прилагательного в картвельских языках, если ограничиться ее наиболее заметными в первом приближении характеристиками, протекает под знаком общей консолидации входящих в этот класс девербативных и деноминативных лексем и довольно отчетливым образом повторяет едва ли не универсальные линии его эволюции. В плане содержания адъективы сформировали здесь свою достаточно определенную смысловую структуру, обуславливающую их подразделение на подклассы качественных и относительных. При этом, как и в истории индоевропейских и множества других языков, выявляется индуцирующая роль развития первых по отношению к последним (точка зрения Л.П. Якубинского, согласно которой в своем генезисе все прилагательные являются относительными, исходила, как известно, из господствовавшего в прошлом представления об исключительно именных истоках этой части речи). Процессы не менее общего характера имеют место и в плане выражения адъективов. Так, с одной стороны, нетрудно продемонстрировать последовательное расширение специфического по языкам инвентаря их деривационных средств, приводящее к пополнению словаря новыми единицами. С другой стороны, очевидно, что прирост этого фонда происходит за счет адъективации теряющих свои глагольные признаки причастий, а также за счет заимствований (реальность заимствования прилагательных допустима для эпохи не ранее грузинско-занского состояния). В составе атрибутивной синтагмы за всеми видами адъективов закрепляется обычное препозитивное положение. Независимо от характера решения вопроса, насколько общим для картвельских языков являлся процесс распространения словоизменительных потенций субстантива на адъектив, на нашем материале подтверждается и процесс деморфологизации последнего, сводящийся к постепенной элиминации его падежно-числового согласования с определяемым, документально засвидетельствованный памятниками грузинского литературного языка не только среднего, но и уже древнего периода.

Наблюдаются здесь и некоторые явления, по-видимому, менее общего характера, однако нередко фиксируемые в ряде других языковых семей. Ср., в частности, становление супплетивизма основ компаративных форм адъектива в грузинском языке, а также случаи утраты формами сравнительной степени своей специфической семантики с преобразованием их в обычные позитивные формы в сванском (ср. *хоџа*- "хороший, добрый", *хoла*- "плохой").

Однако конкретные механизмы всех этих процессов, равно как и их релятивную хронологию, еще предстоит изучить. И здесь перед исследованием возникает несколько проблем, решение которых наталкивается на определенные трудности. Одна из них, только что затронутая в предшествующем изложении, сводится к вопросу, может ли факт обычного отсутствия падежно-числового согласования компонентов атрибутивной синтагмы бесписьменных картвельских языков, т.е. господствующая в ней групповая флексия, рассматриваться как отражение завершенности здесь процесса деморфологизации адъектива (отдельные факты языка сванской поэзии, а также сванских диалектов, например, чубехевского говора, как будто указывают на бывшее падежное согласование определения-прилагательного со своим определяемым). Другой из подобных вопросов — не может ли допустимое здесь постпозитивное положение адъектива в атрибутивной синтагме интерпретироваться в качестве непосредственного отражения некоторой иной нормы прошлого, аналогичной известной из языков—представителей активного строя (предстоит также выяснить, что дает в плане истории словопорядка в этой синтагме анализ картвельских композитов различного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dixon R.M.W.* Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax. Berlin; New York; Amsterdam, 1982.
2. *Thompson S.A.* A discourse approach to the cross-linguistic category Adjective // *Explaining language universals* / Ed. by Hawkins J.A. Oxford, 1988.
3. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
4. *Климов Г.А., Мачавариани Г.И.* Рефлексы общекартвельского в занском (мегрельско-чанском) языке // *Studia Caucasica*. 1966. № 2.
5. *Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).
6. *Чикобава А.С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
7. *Мартirosов А.Г.* Одна группа имен суффиксального образования в древнегрузинском // *Изв. АН Груз. ССР. Серия языка и литературы*. 1976. 1 (на груз. яз.).
8. *Лернер К.Б.* К вопросу о социолингвистических условиях эволюции грамматических категорий (на материале истории грузинского языка) // *ВЯ*. 1990. № 1.
9. *Jensen H.* Der steigende Vergleich und sein sprachlicher Ausdruck // *Indogermanische Forschungen*. 1934. Bd LII. Hf. 2.
10. *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем // *Материалы по яфетическому языкознанию*. VII. СПб., 1914.
11. *Шанидзе А.Г.* Показатель лица у склоняемых слов в картвельских языках // *Тр. Тбилисского гос. ун-та*. 1936. 1 (на груз. яз.).
12. *Дондуа К.Д.* К генезису формы сравнительно-превосходной степени в картвельских языках // *Язык и мышление*. IX. М.; Л., 1940.
13. *Зурабишвили Т.* Степени сравнения в картвельских языках // *Тр. Тбилисского гос. ун-та*. 1957. Т. 67 (на груз. яз. с русск. резюме).
14. *Мачавариани Г.И.* К генезису форм сравнительной степени в картвельских языках // *Тр. Тбилисского гос. ун-та*. 1958. Т. 71 (на груз. яз. с русск. резюме).
15. *Илич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. в — к. М., 1971.
16. *Кизириа А.И.* Простое дополнение в форме дательного падежа в древнегрузинском языке // *ИКЯ*. XI. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
17. *Tuite K.* Das Präfix x- im Frühgeorgischen // *Georgica. Z. für Kultur, Sprache und Geschichte Georgiens und Kaukasiens*. Hf. 13/14. Jahrgang 1990—1991.
18. *Курилович Е.* Заметки о сравнительной степени (в германском, славянском, древнеиндийском, греческом) // *Курилович Е. Очерки по лингвистике*. М., 1962.
19. *Dixon R.M.W.* Adjectives. 1988 (препринт).
20. *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lf. 1—7. Bp., 1986—1988.

21. *Кармуциш Н.В.* Проблемы реконструкции вратюрского глагола: демпоральная система, ее истоки и преобразования: Научный доклад, представленный к защите на соискание уч. степени докт. филол. наук. М., 1991.
22. *Кибрик А.Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II: Таксономическая грамматика. М., 1977.
23. *Lindsey G., Scancarelli J.* Where have all the adjectives come from? The case of Cherokee // Proc. of the Eleventh annual meeting of the Berkley linguistic society. Berkley, 1985.
24. *Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague, 1957.
25. *Marchand H.* Studies in syntax and word-formation // International library of general linguistics. Bd 18. München, 1974.
26. *Фенрих Г., Сарджвеладзе З.* Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
27. *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
28. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. III. М.; Л., 1979.
29. *Жирмунский В.М.* Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-историческом освещении // Изв. ОЛЯ. 1946. № 3.
30. *Иллич-Свитыч ВМ* Опыт сравнения нестратических языков. Сравнительный словарь. 1—3. М., 1976.